

МИХАИЛ ЗУЙКОВ

**АГЕНТ
ПОЭТИЧЕСКОГО
СЫСКА**

Художник Рудольф Симанов

Ишим, 2004 г.

В этой книжке часть стихотворений, написанных мной в течение 1991-2001 годов. Разделение по темам достаточно условное и, скорее, отражает музыкальную деятельность моей группы ЦИКАБА (именно такие названия носят альбомы ЦИКАБА, записанные в тот же период времени).

Искренне благодарю людей, без чьего понимания и участия этих стихов вполне могло и не случиться:

Зуйкову Ирину, Бабушкина С.Г., Шарапова Г.И., Манухина В.Г., Дороган В., Кузовкову Н.П., Троегубова Б.А., Чернышева В.Ф., Ходюню А.Ф. и других.

Сборник оформлен рисунками моего друга Рудольфа Симанова, дай ему Бог спокойствия в этом мире.

МИХАИЛ ЗУЙКОВ.

© Зуйков М., 2004

© Симанов Р., 2004

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЫСК

Каждый день я даю жизнь птицам
(какой-то сумасшедший назвал их стихами).
Каждую ночь я убиваю своих птиц,
прячу подальше от неба.
Остаются лишь внутренности-черновики.
Вглядываясь в них, поневоле становишься
авгуром своей судьбы.

Карнавал прошёл мимо.
Весело и чувственно мне.
В чёрном почтовом ящике
поздравление с арийским новым годом
и разбитая ёлочная игрушка.

Человек с ружьём идет по свету
Всегда свободный, он проводит
свое время в стихах
Строфы, не знающие осечки,
вгрызаются в плоть тетрадного листа
Но рифмы рикошетят о твердь бумаги
Белый стих, свободный, как пуля
рождает человек с ружьём

очередное ночное безумие
большой муравейник
как символ светлого будущего
обиженные листки календаря
опоздавшие на целую жизнь
хриплое дыхание настенных ходиков
так и не научившихся хитрить с Вечностью
раздробленные гитарные позвонки
порванные сухожилия струн
книги
с вымаранными вопросительными знаками
и глупая дырка
 в моём больном воображении...
а может,
это просто мои пальцы сошли с ума?...

и пока уставший прокуренный город спит,
я ухожу
навстречу звёздному перекаати-поле

пустая консервная банка
в разбуженном муравейнике
как моя пощечина воинствующим атеистам

Господи, пришей мне уверенность
в моих силах!

В саду моего мазохизма
под звуки эротических гильотин
ищу поэтического убежища
Уставший от расклеванных революций
беспартийных жён
жидкого электричества
прошу поэтического убежища
пламенеют голуби
иеговеют монахи
пляшут девки-поганки
Господи, скуй мне тоненький голосок

Жить, спотыкаясь о книги великих,
месть созревая в кровавое месиво
через стыда многотомья
Темы, сюжеты, глаголом сожженные,
мыслей колючая проволока...
В сечь обыскать всю родную грамматику,
чтобы найти Имя Собственное

слова-калеки рифмы-побирушки
колючая проволока смысла
протезная поэзия
с медалью за отвагу
в Великой Отечественной Культуре

Японский бог русской словесности
приглашает на танец девчонку-луну
Они осторожно ступают по лезвию заката,
ведут разговоры о тайнах поэзии...
Всё остальное – за кадром
А следующей ночью
луна начинает полнеть –
чтоб месяц спустя
разрешиться ещё одной звёздочкой

Часы совсем отбились от рук
Старая лампа-жираф,
сухая ветка боярышника
и моя монгольская оседлость –
признаки последних лет жизни

На все готовые фразы
на все согласные звуки
Наша Родина - Азбука
Так хочется жить здесь
непримиримым твердым знаком

Распад (Возрождение?)

Уйти от себя,
чтоб купили тебя подороже –
желанье всей жизни.
Наверно, тебе не понять...
Но струпья надежд
на уставшей без праздников коже
сгорают в костре моих сказок
на лезвии дня.

Распад моего возрожденья –
ничтожная малость,
как божья коровка
в краплёном казённом платке...
А несколько строк,
что неспетыми мною остались,
найдут продолженье
на чьём-то начальном витке.

Катаюсь в пыли,
чтобы сбросить змеиную кожу –
предстать перед строгим судьёю
во всей наготе.
Уснуть и не думать о снах,
скинуть вечную ношу,
оставив две даты
на серой бетонной плите.

Семь содранных шкур
остаются на нотных страницах.
Иду налегке. Голяком.
По своим же следам.
Навстречу восходу.
И влага любви просочится
Сквозь чистые поры –
как будто живая вода.

Деревья

«Всю жизнь я видел
только деревья»
Е.Летов

Озорной человечек посредством стихов
воздвигнет им памятник нерукотворный,
но осеннюю бронзу под ангельский хор
переплавит в костре
похмелившийся дворник.

Свято веря в алхимию пламенных дел,
за презренный металл
он продал свою душу,
и сторают сонеты в его бороде,
равнодушья людского ничуть не нарушив.

Размахался пером
аист татуированный
Небо в кляксах
Под ним
пожилой государь
играл в оловянных поэтов

Недобрые пытливые глаза
оставили казенные следы
на девственном листе бумажной глади
А строчки так и не разоблачились
Наивная поэтоинквизиция...

Грех словосмешательства
висит на заклятом поэте
Меняются боги, правительства
кончается всё на свете
но нет ни забвенья, ни отдыха
страдальцам высокого слога
Твердеет от лютого обжига
поэзии шелковый локон

Уснуть – чтобы выиграть время.
Опомниться – птицею Ремез.
Печальная губ бахрома...
Уходим с ума,
отползаем с ума...
Второй эшелон равнодушья –
мы мучимся там от удушья,
изведав безумное званье Поэта...
Кончается лето

Посвятаться ночью к Поэзии.
Расписка на бритвенном лезвии,
что буду не раньше пяти.
Мой нервный израненный стих
к утру задохнётся от ревности.

Она снимает чешую со сновидений,
Обнажая потуги прошлого дотянуться
до дверного звонка.
Она развешивает их беспомощные тушки
над своей больничной койкой
и раскрашивает предзакатными лучами
умирающего солнца...
Одна Большая Поэзия.

Мы бранные телом
но стильные духом
гуляем под руку с деревьями
мы спорим с травой
и завидуем маленьким птицам
Гудят краснощёкие девки-поганки
с высоких партийных трибун
стремительно вымя вперед
зовут кумачовые губы
корить целину
обуздать непокорные реки
и прочие социализмы
Нам жаль их нетленных
но жажда искусства сильнее
Спускается вечер
и мы заступаем за грань

Петух отпоёт
четвертованных стражников ночи

Это не стихи
Это - моя душа,
распятая в четырех углах листа
терновыми шипами сомнений

Нахожусь во взвешенном состоянии
как декабристы
Беззаботный, веселый и пьяный
и ныне и присно

Стихийные условия быта -
мечта любого поэта...
Но к власти пришедшее быдло
не понимает это.
А им - стихоплётам - хочется
пить красивые тосты,
на женщинах томных корчиться
и слушать музыку толстых.

А.Башлачёву

Неутолённая весна
живёт лишь по законам мести.
Случилось так, что ты познал
поэзию сквозных отверстий.
Сюжет прокурен и проёбан.
Куда полез? Ведь ты ж не птица!
Зовут оконные проёмы
любой ценою воплотиться.

Каждый таит в себе свой плутоний
не верьте и мне,
однажды сменявшему груз многотомий
на скрученный струнами нерв

Уже не видать за деревьями лета,
и бросила дом птица-зяблик,
и девка-чернавка шарашится слева
с корзиной отравленных яблок

Хрущу наливными, не праздную труса –
совсем ненужный Отчизне
предсмертный поэт земли русской
с кашеевой тягой к жизни

Мировоззрение в касках
Обязано жизнью поэтам,
художникам, мотам...
Интеллектуальная каста
готовила почву для оригинальной моды,
топтала одежды церковные...
Наивные люди – скоро ведь будут они
под речи чёрных полковников
гореть на кострах
из написанных некогда книг

Ползти через свои тревожные сны
Ненавидеть силу тяжести,
не знающую компромисса
Втыкать иглы злости

в свою восковую куколку...

Слова кочуют с листка на листок,
обретая по пути хищность.
Приказ уже отдан,
и я делаю шаг
на ничейную территорию мысли.

Поэт – это аномалия.
Гонимый людьми нормальными,
влюблен в этих самых людей
за преступные мысли.
Он завтра умышленно
взметнёт свою плоть,
приравняв её к белому флагу,
нарушив их сытую жизнь,
как воинскую присягу.

Ни Будда, ни Христос, ни Харе Рама,
ни фото Башлачёва на стене...
В архив подшита жизни фонограмма,
и есть ли на земле спасенье мне –
охочему до мерзости нацистской,
продувшему Россию в дурака,
агенту поэтического сыска
с израильскою визой на руках?...

Жизнь поэта –
преступление перед разумом
Каждая мысль – улика
И нет ему судей на земле
Чёрное серебро
и полнейшая безнаказанность

Важнейшие книги пусть
откажутся пронумерованы.
Ищу комариный пульс
на теле моей Родины.
Услышав позыв неопознанный,
ползу самобраной скатертью.
Несолоно мне и постно.
И матерно.

Россия, страна охуенных пространств
уже не грозит никому
стихотворным нашествием
Подвижный заслон человечества
может быть снят

Экземпляр почти утраченного народа
под звуки напуганной гармонии
несу Императору Хороводов
горсть своих стихотворений

Иссохла русская песня
Хотел вспомнить,
чтобы подхватили, подсобили -
в первом же куплете сбился на похуй

Эх, мать-перемать!
Эх, бабушка-каторга!

Отпеть ещё один день
Несколько строк на клочке бумаги
камерным тиражом
Про смерть - не ново
Как бы воскреснуть?

Хоть бы одного носителя чуда
послал мне Господь в соратники!
Вокруг же в изобилии лишь художники,
прожигающие свои малярийные жизни,
ваятели пошлости и музыкальные фраеры

Что им совесть?
Что им родина?
Они не испытывают
даже угрызения климата.
Этим людям неведомы процессы томления
им недоступно преодоление мысли

На дворе 1999 год.
Средства Массовой Дезинформации
выкашивают поля народной души
Международный Валютный Флот,
проведя интервентаризацию страны,
бросает в землю зёрна голода.
Раненый рассвет ищет своих мальчишей...
А моё отпетое окружение
всё продолжает свою попсовую охоту...

Господи!
Да сиюминует меня клеймо свободы,
что выжгли на лице моего народа

Армированные поэты,
заплатившие за свои выпуклые строки
по вексям революции,
или поэты кастовые,
добровольные собой
в своих напрасных окопах,
те, кто отстали от классиков
на полвыстрела,
те, кому не удалось
обрасти современностью
Молва о них закатилась под бой
кремлёвских курантов,
сторела в горне тридцатых
Вместе гранитных фигур лишь лица,
намертво вросшие в керамику
Но умаляет ли это ценность
их поэтических козырей
на последней картёжной сваре?

Я часто глажу рыбу против шерсти,
родить пытаюсь искру электричества,
чтоб сжечь в себе дотла
следы всех творческих нашествий,
испепелить и отчество своё,
и имя, и величество.

Песня - это матюгальник мира.
Моего мира
Мира, в котором свечение слова
озаряет самогонные дали
мира, в котором так редки
растопыренные встречи
где правит бал махровая партизанщина
где я сам себе
министр иных и странных дел,
нешуточный командир -
стихотворен и грешен

Там и живу я в упор
среди двоюродных людей,
которые без следа гиннеса
исчезнут с земной арены
Там я чищу перышки своих высот
и залечиваю ссадины любви
чтобы однажды взлететь над рейхстагом
и мускулистым голосом явить миру
свои прицельные песни

И пусть мир выпадет в осадок

Я жив
вопреки всем целенаправленным
действиям власти

Единственное,
ради чего человек –
 один из самых настырных
 видов млекопитающих -
появляется на этой планете, -
быть счастливым
Как немного нужно для этого:
небо,
которое аисты несли бы на своих спинах,
земля,
чтобы клепать на ней добро,
и песня,
посредством которой
можно извещать Бога о своём счастье

Когда ты станешь пирамидой,
я по ветру пущу свои стихи
и сдам в ломбард медали недоверия
Не дай мне Бог дожить до анекдотов

Лозунги

Ошибается тот, кто думает,
что в жилах русского народа стынет
законопослушная кровушка
Один шаг отделяет от подвига
человека, загнанного в западню
Знайте, не бывает прифронтовых поэтов!
Мой выстрел возглавит толпы,
которым не по душе оперение мира
Грядёт священная краснощёкая война.

Мы, готовые к утратам,
вывернем наизнанку
все шахты метрополитена
Мы пересмотрим должности жизни
Мы отменим вербные установки
и отмоем небеса
от христианской копоти
Пусть мудрость кремлёвских вождей
просачивается из их гробов!

Мы, будущие и неуязвимые,
явим оголтелому миру
мудрость лесных пожаров
Мы узаконим
интимные отношения с Родиной
Нет кокетливой поэзии!
Даёшь мгновенную сытость!
Каждому кузнечнику по своей наковальне!
Да здравствует моя окончательная страна!

... и нитью невидимых судорог
скручено тело
так рифма уродуем мысль
на тетрадном листе.
Заглушен мотор, но ещё и душа не взлетела.
Стою перед вами, невинный в своей наготе.

Извечный процесс демонстрации
содранной кожи:
бумага, чернила,
заваленный книгами стол...
Ещё один день
за пустыми заботами прожит.
Присесть на дорожку.

Пора!

Приготовились.

СТОП.

Продолговатое чувство родины во мне
как сухая тарань
как сон из избы
Эпоха поэтической коллективизации
закончилась.
В самом неожизненном месте.
Невысокое небо, летящие в костёр книги...

Пивная будущего останется прежней.

он был хронически болен творчеством
он всю свою жизнь,
не замечая надменной усмешки мира,
искал в нём словесного счастья

когда же вдруг, свободный от мнений,
он заметил те детективные изменения,
что произошли с его телом,
сердце поэта не выдержало,
выскользнуло из событий
и разбилось на строки

Войны случаются для того,
чтобы на них гибли поэты

Стынет душа под ребром батареи
часто такое бывает с поэтами
Вырастив стих, незаметно стареют,
не замечая при этом
как выпадают передние зубы
у склеротичной печатной машинки

Выпит мой август еще по весне
Надо лететь!...
Через несколько дней
перьями взялись усохшие руки

поэзии куриный переступ
с Неведомым запретный перестук
как благо
мучительная ржавчина замка
прозрение тюремного глазка
перо, бумага
пожизненно упрятан без суда
писать стихи у жизни на задах
пытая Истину
забыт людьми за давностью лет
и только Смерть хлопчет о моей
амнистии

На смерть поэта

Холодно. Рано смеркается.
Скомкан нечистый лист.
Как тебе нынче кается,
пламенный атеист?
С кем тебе нынче дружится,
кто с тобой пьёт вино?...
Тихо снежинки кружатся
за любопытным окном.
Звёзды уликами Хаоса
манят в вечную ночь...
Нет уже сил каяться!
Стерпится-слюбится всё равно...

Не тронутый людом мусорным,
прощенный тифозной вошью,
всё-таки был он удушен музами
шёлковой нитью безбожья.

РУССКИЕ ИНОРОДНЫЕ СКАЗКИ

Протяжная русская вьюга
укроет девственным саваном
попавший в пургу гитлерюгенд
с кривыми татарскими саблями
Такое смешное соседство
синоптикам благодаря...
И зреет победа под сердцем
с лицом чужестранного Кесаря

Ведьма

Пела корильные песни
стражникам чёрных дыр
и, поев потрохов песьих,
обращалась в сороку и дым,
летала нечистой родиной
при свете ущербной луны,
звёзды срывала гроздьями
и обращала их в сны,
ленты вплетала в косы,
в печи сохраняла тепло
и, вымокнув в утренних росах,
спешила одеться в плоть.

Огневушка-поскакушка

Угроза факельных шествий
кружит в пламенном вальсе...
Запах паленой шерсти
и ностальгия оваций.
Злая бажовская девочка
машет красным платочком,
в жизнь претворяя идеи
траурных многоточий.
Киснет капусты кадушка,
ждёт своего часа –
будет ржаной дедушка
трахать кукол из мяса!

Печальная участь потомкам Авраама –
рассеянье –
чтоб скопом не скалилось зло...
И нет им спасенья в закрытой от срама
Рассее
как некогда в Мюнхене не повезло

Сибирская язва прогнала жидов из Египта.
Когда же начнётся их исход из Сибири?

Чернело мыслями на снегу,
старело лицами на бегу
прекрасное время.
А Русь точила ножи,
и не было стимула жить
пархатым евреям.
Порхали еврейские души
по голым деревьям,
любили шестую часть суши...
Прекрасное время!...

Колоситься седыми волосьями
под ущербной луной.
Доскрипеть своё время полозьями
сквозь зашторенное окно.
Пришли окаянные дни.
Смотри, как стремительно подорожала
горящая листьями вниз
Амбарная Библия Неурожая

Конфликт поколений
Борьба между Отцом и Сыном
во имя Святого Духа

Погибал от смерти
мальчик-с-пальчик в лошадином ухе
Веселились черти
на поминках погудеть слетались мухи
Ослабел Каурка
от игры старинной некуда деваться -
заблудился в жмурки
что ему теперь до приживальца?...

Тополиное шоу
июньского белого света.
Доверительный шёпот
пропахшего травами лета.
Оказался в плену трёх осин,
но пощады у них не просил -
опрокинулся навзничь...
Поплыла надо мной высоко
свадьба перистых облаков
с непонятными именами...

Синоптики сообщили,
что в XIX веке на планете Земля
наблюдалось заметное похолодание -
прекратились массовые сожжения ведьм.

Дерево

... и они лишили жизни
жаждущее неба дерево,
надругались над его узловатым телом,
вместо крыльев -
выдали пару плавников.
И посадили на цепь.
Хлебнувшие соли лодки-соседи
утешали дерево как могли:
они говорили, что плавники -
это те же крылья, только мокрые...

Ранним утром
море приняло его как барона Врангеля.

Добрые руки, больничный устав,
серые стены...
День, когда я потерял Христа
в ишимских степях палестины

На щеках, липких
от шоколадных воспоминаний,
проступает соль ностальгии
по коммунистическому детству,
прожитому
под созвездием Серпа и Молота.

Параллели морщин,
перпендикулярные течению времени,
свадебное платье, обжигающее ночь,
и цыганский табор, сошедший с ума, -
вот какие разные вещи в моей коллекции

Ярмарка или восточный базар -
главный вопрос момента.
И хитрая истина сузит глаза
в споре Христа с Магометом.
Гаремы пополнятся новыми жёнами,
румяными, будто с мороза...

Силы должны быть вооруженными,
как звериный зародыш

Вагоны печальных глаз -
в сторону истины
с той стороны стекла
вытянутыми листьями
Обратный рефлекс Павлова
погибель болотных систем
блуждают глаза впалые
меж пальцами, отрубленными насовсем

Русь - птица-трёшка, девка некрасивая
Опять по полю колокольный шмон
Стучат копытом жеребцы насилия
пугают сдуру лагерных ворон

Эх, Муза, Муза... Муська с балалайкой
поддай-ка мне казенного кваска
и про окурочек душевно заиграй-ка
а то - тоска...

Отчего птицы не любят людей?
Боятся, что стая человеческих песен
однажды захватит всё небо

В одном государстве убогом
лежал на лесной опушке
преданный добрым богом
сукин сын Пушкин.
При жизни валял гения,
трогал судьбу за лезвие...
Вступило в эпоху затмения
Солнце русской поэзии

Праздник

Дуют в длинные трубы
и с гортанными криками дикими
закрывают глаза трупу –
чтоб не видел своих победителей.
Из избы выгоняют чёрта
и под лязг охотничьих лезвий
осторожно целуют в морду
слепого Хозяина Леса.

Чёрные доски кричат на стене...
Пришло, как видно, время каяться –
железным маршем идут по стране
огни блуждающей электрификации

Разноцветные бомбы
мы изготовили под Рождество
на нашем военном заводе –
пусть и у них будет праздник

При скопленьи народа и ясном рассудке
в новом гробу цвета зари
стоял на якоре третьи сутки
мёртвый поэт Александр Грин.

Только к выносу всё переменится,
лягушачьей икрой вспенятся
равнодушные губы
давно отслужившего тела.
Видно, тело не хочет стариться,
и ласкает его трясавица –
конопатая девка
с лицом, перепачканным мелом.

Закрутится чёртово колесо,
и после церковной тризны
он вновь поплывёт к старухе Ассоль
под алым парусом терроризма.

Куриная лапа премудрости
языческих сказок
появилась на российском гербе
вооруженной –
мысль должна защищаться

Полярная звезда

Ирине

В северном небе светятся
звёзды твоих путешествий:
женская грудь медведицы,
прикрытая паленой шерстью.
Не верь петухам третьим,
разрушившим ночь иллюзий,
мы точно с тобой встретимся –
такие полярные люди.

Царевна-лягушка

Заливаться грудной жабой
на эстрадах болот
надрывать свои царские жабры
и вздыхать тяжело
слыть в округе никчемной раззявою
умертвлять свою бабью плоть
дожидаясь годами Хозяина
с остроклювой стрелой

вселенский бутерброд:
земля, небо и мясная прослойка
из охувших людишек

Смерть П.И.Чайковского

Крашенный гроб. Разложение трупное.
Как и положено, лица плакучие.
Переросло во влеченье преступное
Нотная клинопись злого шелкунчика.

Масленица

Масляная тройка лошадей,
иду по сальному следу,
ветер заблудился в бороде,
спешу к обеду.
Блинов захотелось нехристю
и браги сладкой ушат.
Народ - как рыба на нересте!
Гуляет душа!
Не верующие, а ряженные,
с песнями, с матом, со свистом
встречают блинами горячими
воинствующего атеиста.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФОНАРЯ

Яблочно-коммунистическое житие мое

Уж кто-кто, а я-то знаю
как соображали на троих
папаша, сын и дух святой
Хо-хо!

Головка лукового горя
и бутылъ огненной водицы

Где она?

Под какими люськиными небесами?
Родина пролетариата -
с вечными берёзами-попрошайками
интимными пряниками
чучелами в мавзолеях
и шампанским на розлив?...

В пустом зале ожидания
выковыриваю душу из-под ногтей

рождественские окопы
раскромсали шинель моей Родины
на обмотки
для верующих и неверующих
те и другие босы

Я видел праведные амбары смеха
кресты измазанные губной помадой
я видел как стадо из двух тысяч свиней
пошло сквозь игольное ушко
направляясь к Богу на кухню

А на Земле сегодня Большая Стирка
сохнут не ветру страсти исподние
бабушка-мукошейница

снега топит:

кому выльется нехорошее
тому вдоль расти
поперёк толстеть

... и посадил дерево,
из тела которого
сделает крест для твоего распятия

ждал несмышлёным синоптиком
благую весть с берегов Ганга
опадали червивые звёзды
горели костры за рекой
а Он не пришёл с приветом
на тонкий крик часового

...сугроб наливался румянцем

В свои тридцать три года
Иисус - суперстар. Увы.
Ему ли сдвигать горы
одним кивком головы?
Ему ли вершить судьбы?
Ему ли спасать тела?
Поднимет ли в день судный
свою одряхлевшую длань?..

Он заживо принял участие
в строительстве братских могил
для своих последователей
Диагноз был краток:
гефсимания величия

Нагорная свадьба своё отплясала
Христос истекает не кровью, а салом
Повымерзла святость под небом колючим
И нет никого, только звери и люди

Первохристиане

Пришли к священным вязам
свинные мохнатые рыльца,
ладонями черпали святость
из каменного поильца,
деревьям подрыли корни
и, братом назвав Бога,
остались в веках на иконе
кисти маэстро Босха

Репок-церквей на Руси насажали,
ждали богатого урожая,
только следили, видать, плохо –
множились заросли чертополоха.

Церковь

Поющие женщины
поющие мужчины
и Любовь,
сиротливо глядящая на них с паперти

Коровья смерть с глазами мокрыми
стучится в двери.
Пусти же в дом и накорми
больного зверя.
И помутнеют в зеркалах
глаза хозяев,
и отзвонят колокола
по всем озябшим,
по всем, забытым впопыхах,
по всем бездомным,
и скиснут пёсьи потроха
в ведре бездонном.

Звонарь

Обмылок неба хозяйственного
Колокол, подвешенный на страхе
и мужик без царя в голове
Он подносит пальцы к теплomu рту
вспоминая домашний очаг
ежедневный нехитрый ужин
толстуху-жену
затем снова берется за веревку
и пытается разжалобить бога

Что сказать?...

Он человек, чтобы забыть все это насмерть

Бог ест любовь,
ест и не давится.
Жирной губой
великого псевдострадальца
Бог ест любовь,
жрёт да нахваливает.
Между зубов
крохи вселенского варева
гнилостной массой смердят,
как церковный собор,
где Бог ест любовь.

пахнет в церкви
зажжённой свечностью
маленькая - тридцать копеек
побольше - пятьдесят

Жизнь как нулевой цикл...
Стали в дверном проёме гонцы,
недобро прищурились:
самый главный из всех богов
уничтожил слово «любовь»
церковными щупальцами.

облачённые в порчу
догорают у трапа ковчега
провожая глазами грустными
облюбанных богом
нагих и бескрылых

Пустота переходит в желток
и не может понять никто
жития наших лучших святых
их глазницы все время пусты
как однажды усопшие реки
и грустят под ногами мосты
и бредут в никуда человеки

В наших душах отбой.
Только те, кто публично сознался в грехе,
как больные цингой,
всё гадают на луковой шелухе:
обойдём ли закон,
если хитро и вовремя стукнем челом?
И смеётся с икон
иудейский бродяга с беззубым еблом.

В дубовой колоде все черви – козыри
Стоит ли прикупать?
Ряской подернется глаз озеро,
помни приказ: НЕ СПАТЬ!
Черные метки сторают в аминь,
мы – не рабы божьи.
Хочешь, повесим на шею минус –
станем на жизнь моложе.
Руны, плетенные из бересты,
богом крапленая карта...
Люди, не знавшие слово «стыд»,
падают жертвой азарта.

Тешите, монахи, осиновый кол,
взахлёб потешайтесь над смертной тайной,
и время затянет надежной рукой
тугую петлю на трёхрядке гортани
Полночные танцы, малиновый звон,
в снега каракумовы вечная ссылка,
умрет свою песню под чью-то гармонь
распятый комар на голгофе затылка

Батальоны штрафных Спасителей -
как бабочки не огонь,
горящий в окопе
седого уставшего грешника,
летят и сторают,
и вновь продолжается бой

Красный угол

Перегибы морщин сталинских
Партизанская шерсть святости
Погребальная ложь таинства
Ниже плеч лица измятые
Пресытиться миром домашним
сродниться с иконой рублевой
и топтать под черные марши
сквозь редкие зубы здоровье выплевывая

Запускают напоследок
шишел-мышел в небеса
нашей юности герои
мужики-хриstopродавцы
и глядит на них с усмешкой
бородатый купидон

Звезда падали потные
понимания в людях ища
Наши ангелы подлые
повернулись хребтом натошак
Зычным голодом славилась
позабытая Богом страна
Человечки больные и слабые
веселились на похоронах

Моровое поверие
зачатое в тайных амбарах
во имя голгофской вешалки
для праздничных божьих нарядов
Оседлые мысли
познавшие слово ТАБУ
Холмогрудая мгла
дозорные сосны святые
окопные девушки
томные как иконы
Посторонись, Господи - голова остывает

благополучные небеси
душеспасительной ереси
прохудились
расклеились
как библейский букварь
с озорными картинками
хлюп, хлюп
шагали простоволосые
мерили лыву за школьной оградой
больше никто их не видел

Вечное девство
на жертвенник времени –
лицезреть богов
Вешнее девство,
проклятое евреями...
Любовь

Мы вовремя
выбрали в сторону
из твоего гнева
Жить воином,
петь вороном,
уйти в Небыль

Мальшу Питу

Говоришь,
захотелось поскоблить душонку?...
Славный экий ты!
Арендовал отдельно плывущую
Промысловую церковь
и кормишься теперь от Единоубогово
пасёшь взволнованные глаголы его
стрижёшь мех словес,
что он мёртвысказывал,
уличённый в любви наоборот

Подрастают в трюмах псы цепной истины
Ждут их крестовые походы XXI века
Святая цель - занять всех любовью

Я не уйду своею смертью
творя молитву изнутри
И вы, христовые, не смейте
скрывать мой лебединый крик
Свежи фрагменты карнавала
где удавили молодца...

Шипы тернового овала
на гололедице лица

Священнослужители -
это профессиональные подрывники

Из заминированных ими церквей
доносятся звуки сомнения
Это жертвы библейской драматургии
Уйдя от сознательных запахов жизни
за человеческим фасадом
людишки молятся своим грустным богам
по колени в господней любви
ослепнув от кагора
но год за годом продолжают рожать
свидетелей своих грехов

Мне тоже знакомы родовые муки
Я вынашиваю события
Очевидцы моего голоса могут подтвердить
силу поэтических видений
И я заявляю:

КОНЕЦ СВЕТА НАХОДИТСЯ
У БАТЮШКИ ПОД РЯСОЙ

"...а превратились в белых журавлей"
/из песни/

Россия 90-х
Тысячи людей
с официально протянутой рукой
Выстуженные властью
они пытаются
согреться от углей государства
они истекают молитвами словно слюной
Тщетно
Царские обещания, как оказалось,
не стоят даже выеденного
социалистического яйца
Извечная пена христовой вольницы:
жесточайшая благодать
и курлыканье душ с рекламного неба

Возлюбим тех, кто не ворвался
с толпою в божью епархию,
сыграв на бритве в венском вальсе
свою пронзительную партию
Им, охлаждённым лишь безумием,
нет выбора,
нет выбора,
нет выбора...
И пусть поют надрывно зуммеры
в святой стране, где жить нам выпало

Любовь к жизни

Скованы жизни движения...
В зимнюю лютую стужу
кликала Смерть роженица,
зыбку качая пустую.
Желанье любить погребенных,
гладить надгробные камни...

На свет появился зрячий ребенок
со сжатыми кулаками.

Поджог, вопиющий и искренний
готовим мы в храме Христа

Мы, оттопыренные благодатью
документальные, как серафимы
Мы, почувавшие в себе искренность
потерявшие нить возвращения
Мы - русские и зычные

Погорельцы духа,
вам уже не найти общий язык странствий
Жить вам отныне
по законам мать-и-мачехи
шептать на себя крест
вспоминая утиное тело господя
и его потустороннее учение

В ожидании оптического момента
в отсутствии меценатов и собутыльников
нахожусь в самодержавном состоянии

живу в поисках того самого
избыточного глагола
страшный, как открытая дверь
пустотелый, как Ленин

Уже заступивший за любовь

Спаси, Господь,
мою социалистическую душу

сгорать два раза в году
стеблем высохшим
пора отключиться от дум
за Всевышнего
глядясь в куполов тазы
зеркальные
весь день плясать под язык
охальников
пока все спят – огородами
тихо, тихо...
не иметь своего рода –
как Лихо

Крестики веры сиреновой
искали мы перед экзаменами
До этого было
ежедневное помазание
утреннего бутерброда
блестящий ранец
и десять лет беззаботного движения
в сторону знания

Десять лет из нас готовили
пламенных атеистов
забыв почему-то изъять колокольчик веры
из рук набожной технички

На последней школьной линейке
колокольный звон
поведал миру
об очередном увеличении
армии отпетых юных поколений

Где ты, бродяга, гвоздями убитый?
Они коронуют тебя суетой
и вновь приколотят на крестике быта
во имя любви и свободы святой

Беда многолюдства
Порой я исхожу сочной злобой
даже от комнатных надзирателей
В такие моменты
я готов ответить дырам
Я даже согласен ужиться
с Богом в красном углу

Господи, отлучи меня
от чьей-то навязчивой помощи!
Я хочу мучиться за каждую вещь
в дерзком одиночестве

Конец света

Систему Солнечных Сплетений
разрушит праздничный кулак
Но мы спасём свои тела
а вы - лишь праведные тени
Своя рука - своя владыка
Все пострадавшие - поломники
Бредут
библейские
фарфоровые
слоники
и пропадают в чёрных дырах

Я живу, подавая надежды,
как милостыню,
вам, ловцы храмов

Постоянное чувство голода
понуждает меня к рукоделию
И я готов трудиться до зла -
лишь бы на закате отведать
обещанной Иисусовой требухи

Только поэтому я возглавил песню
только поэтому я привожу в трепет
военные струны органа

Кадило в руки вам,
обжигающие горшки смерти
Творите дальше своё мужество

Я же, постигая путеводные заповеди
несу своё поющее тельце
от чувства к страсти
от гербов к гербариям

Иду, исполнен мщения,
и храмам нет конца

ТРОПАРЬ ВОЙНЫ

Ягодицами женских раздоров
знаменуем век просвещения
Гляди - собираются на сходку
стада, прикинутые человечеством,
чтобы сшибиться своей плотью
поделить осколки массового стыда
погладить мир против шерсти
Что им голуби, созданные для поцелуев?
Что им тёплые совершеннолетние дожди,
золотые рыбки Баварии?
Сказано: женщинам - вдоволь!
И вот уже шеренги штрафных барабанов
движутся в сторону знания
в сторону силы

Родины должно быть много

Подлецы неистребимы -
в сезон мировой чистки
Господь истратил на них
свою последнюю обойму

Война человек
начинается ещё в чреве.
Созревающее нечто
капля за каплей
отвоёвывает у матери своё тело.
Пристальные узелки глаз,
которые пригодятся на всю жизнь.
Оловянные солдатики,
не терпящие панибратства.
Их движенья точны, как московское время.
Гармоничные сапоги
маршируют наши жизни

Отдельными губами
молить о ниспослании

Научно-техническая революция,
не принеся людям счастья
Руки, глаза
и другие штрихи гениальности
Миллиард творческих личностей -
это воистину конец света!
Ежегодно уничтожать
каждого десятого ученого,
поддерживая тем самым
баланс мироздания

Проклятие нам,
желающим скорых прощений!
Безумные спят сторожа...
Живущая рядом война
да будет священна,
как первый земной урожай!

Жизнь – извечная борьба
за глубину морщин
Приходит время
и мать снова забирает
своих постаревших детей
при помощи петли
из отслужившей некогда пуповины
А потом такими знакомыми руками
разглаживает их морщины

одного пуля –ягода
вслед за другим
брызнуло клюквой
и вовсенебольно
лишь тени остались
стоять на стене
прибитые гвоздиком
поздних раскаяний

Коммунистам
всех времён и народов

Революция – это надолго!
Вот уж мирно текла Волга-Волга,
веселились с экранов ребята...
Только помните:
МЫ - ИЗ КРОНШТАДТА!

На груди – лоскуты красные,
как полоски заживо содранной кожи.
Из под шапок – глаза страшные.
Беспощадны, безлики, безбожны...

И, судя по фильму, вроде бы,
давно отслужили мишенями –
но у нищей моей Родины
до сих пор как камни на шее

Томится камень в древней мостовой
среди толпы таких же как и он
безропотных и серых заключенных
притершихся друг к другу за столетья
Он день и ночь вынашивает план
побега или битвы с государством
на баррикадах классовых боёв

Добровольцы 30-х

Женское начало нацизма,
погребенное властью в анналах,
отразилось на лице Нарцисса
торжеством Беломорканала.
Презирая каналью-свободу,
добровольцы активны и веселы.
Прорастает идеями воздух
под классический гимн Хорста Весселя.

Смерть соболям всех стран
Сметь угождать кострам
Страсти по холоду...
Щёлкнул тугой курок -
в пыль фронтовых дорог
грянули песню походную

Пусть ломаются стены
от их механических игрищ

Боль стареет вместе с нами
Боль кончается блинами
на поминках

**Хвалёной немецкой спермою
и тягой к насилью отмечены
на пастбищах русской империи
нацизма медовые месяцы**

**Гуляет по венам спирт,
ничто не вещает трагедии...
Но явится хаос степи,
поруганной северным гением.
Ведь русский мужик лукав,
и как ни беснуется вьюга,
два простых мужика
прибьют над рейхстагом флюгер**

**Отечественная война 1941-45 гг.
Процесс умирания слишком затянулся -
к нему привыкли.
Некоторые до сих пор
считают это время
лучшим в своей жизни**

**В отличие от радости,
у голода всегда одно и то же лицо**

Покатые крыши памяти
в жести оваций.
Вы ползать по ним не устанете,
рискуя сорваться.
Недаром часы картавили,
когда вы пытались проспаться,
за Родину и за Сталина
отдав отпечатки пальцев.

Война

Во времена Отечественной Дойки
ныряют звезды в цинковые ведра
и тонут в молоке парного счастья
совсем по-глупому
Старухи их вылавливают пальцем
и что-то бормоча себе под ноги
несут в осиротевшую избу

Для мастеров жанра граффити
стены Рейхстага ничем не отличались
от стен обычных русских сортиров.

То, что мы,
дети и внуки героев
Великой Отечественной Войны,
никогда не увидим
в кадрах военной кинохроники:
рисунок, изображающий
огромный хуй в жопе Гитлера.

Это, действительно, была Победа!

Победа

Миром измазаны руки по локоть
в день окончанья войны
Красное знамя ветер полощет
в облаке тишины
Кончилась битва парадным обедом:
тосты, шампанское, дамы, награды...
Только куда-то исчезла Победа
с перебинтованным взглядом

Пустой рукав - владыка
фронтов и революций -
грозит почётной старостью
протезным скрипом юбилеев
бреющим полётом трофейного лезвия

Русские

Мы живём, как у Христа в окопах
Битва за остатки колдовства
Пусть дрожит стерильная Европа
мы предъявим ей свои права
Мы раздуем пламя инквизиций
Всех попов - еси на небеси!
Господи, мы не сдадим позиций
Дай же нам испить живой водицы
От шальной молитвы пронеси

Пивная разума,
с табличкой "закрыто"
Возит тряпкой по липким столам
русская бабка Гитлера
под надзором отрубленных рыбьих голов

В церкви, напуганной народом,
кто-то ежедневно умирает моим голосом
Я же
разрываясь между Бахом и Бахусом
путешествую из матрёшек в сувениры

Велика праздная страна моя
Брюсово пространство, залитое жаждой

Я вижу: грядёт чугунная демократия
провокация, которая переживёт нас всех
Меня уверяют,
что виновата только территория...
А что же закалённое войной
правительство?
А как же святые отцы
и их небритые методы?...
Люди для них - лишь похоронная масса

Россия
хочу принести ей в горсти славу
хочу, чтоб надвинулось
молодое и сильное
Господи, нашли на родину мою
эпидемию русского «ура!»...

Я - пуля
Я - дура
лететь бы мне мимо
лететь, наслаждаться свободой...
Торчи вот теперь в голове демонстранта!

Коноплянному счастью
не понять
сиротливых воробышков разума
От солдатской болезни
вымерзают колонии мирных слонов
Надвигается лето
Вот уже позади
эпидемии масляных праздников
балаганных суббот и крестьянских
пейотовых снов
Умудрённые хоботом
мы активно готовим заточки отсчёта
чтоб прирезать на финише
сладолюбивых алхимиков трупного дня
Полуночный цыган
нагадает нам спьяну казённого чёрта
что в карденовской робе
торопливо выносит детей
из святого огня

Велимиру Хлебникову

Подъемля медовые хоботы,
ветру подставив очи,
дети крестьян и рабочих,
мы двигались в сторону холода.
Давно ли мы вышли, недавно –
остались за нашей спиною
деревни, стада летмидаунов,
спелёнатые тишиною,
урла, пролетарское быдло,
заслуженные артисты –
всё то, что давно уж обрыдло
нам, революцидивистам.
Вышли мы все из народа,
вряд ли вернёмся обратно.

Под звёздным плащом небосвода
родины белые пятна

Постная осень придёт к нам
после сентябрьских пожарищ
глянет в печальные окна
избу глазами обшарит
и на крылечке присядет
тихо покурит на небо
разбуженное гусями
летающими в поисках хлеба

Россия

бескрайние поля заснеженного труда

Что проку от врага, который спивается?
Ветераны богословия уже не в силах
дуть из внутренностей
молчат их трубы

Решительные как осколки
вооруженные одной лишь радостью
в одночасье
мы захватываем власть магазины,
рестораны и публичные дома
Константа наших успехов непоколебима

Оспаривая окружающее
мы не станем нарушать
чугунную жизнь былых кумиров
Но и аудио-христианские диалоги
не в наших правилах
Невыносимы заповеди господни

Ожидание пенсионной любви?
браки безмолвия?
недопустимость женского?
Вздор! Поэзия свидетельствует
об ином религиозном опыте:
прораб мира - голод
вершина человеческого общения -
это соприкосновение бёдрами

Предчувствие

В небе плывут времени ключья
под барабаны весёлые.
Взвились кострами синие ночи
над городами и сёлами.
Лижет луну деревянный огонь,
кутает в копоть ряс,
и над страной почерневших снегов
всходит иная заря.

Вырывали с мясом – как пуговицу –
нашу падаль из вешнего теста
Обряжали покойными пугалами,
выдергивая словечки из текста
Господи, как хочется тишины!
Печальная моя Родина...
И я закрываю тропарь войны –
пройдено!

"Дан приказ ему: на Запад"
(из песни)

Мы шли на запад
туда указывал компас его вражды:
отчаянная седина
застёгнутая на все пуговицы неприязнь

Мы шли по земле закатившихся зрелищ,
подпёртой полумёртвыми старухами
и останками храмов
В задумчивых ульях остывала жизнь
Голодные звери подставляли нам
уязвимое брюшко нежности
Но был приказ - оставаться
непрестанными и чувственными
Идти строго на Запад

И мы шли, молодые и охуенные,
забывая прихоти перстов
горланя про бога
чуя великую Победу
Наша плоть источала страх

Наш штрафной табор
ворвался в эту страну
на плечах заката

Мы заведомо
исключили любовь из правил
Вы когда-нибудь слышали
о сексуальном расизме?
Это когда желание
смешивается со слезами
когда женщины обнажаются от страха
когда им больше ничего не остаётся
как блюсти
чистоту истерии

Эта ночь разноплеменных соитий
стала началом новой цивилизации

Как отвадить наш народ от баррикад?
Как открыть ему глаза на божий свет?
Где найти того глухого ямщика,
что водил бы по степи нас сорок лет?
Все повымерзли. Россия - не Синай.
Здесь нам жить, любить,
надеяться, рожать
В наших ситах - просвещения семена,
а за пазухой - булыжник мятежа.

Гражданская похоть войны

Мы были готовы к ней,
и сразу же забили тревогу,
как поросенка
мы свято берегли
свои блокадные сокровища
мы чистили стволы наших боевых песен
мы горстями делились достоинством
с братьями по оружию

мы вплетали цветы в косички военных лет
Пожарища наших лиц кричали:
"No pasaran!».
Но, как бестыжая девка,
война была просто обязана
нагулять победу

Мы ждали войну во всей её красе:
камзол чёрного бархата,
размашистые движения,
надменный взгляд..
Но пришла невзрачная пуля-побирушка,
и мы из жалости отдали ей всё,
что у нас осталось -
свои жизни

Война никогда не бывает последней

ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ

**Ритуальные соки любви
половодьем по томным сугробам
Каждый шепот таит в себе визг
обделенной любовью утробы**

**Придут сапоги с женщинами
под звуки серебряных спиц.
Знакомые всем движения –
раздеться и пасть ниц.
В открытую пасть – конечности
под публики радостный визг...
Сплетаются культы вечности
на плахе суконной любви.**

**Гипсовые глаза Хендрикса
пьянят, как бокал хереса,
и цветастой цыганской шалью
нас окутал полуночный блюз
Пальцев чёрные перекладки
гриф гитарный неистово гладят
как ни странно, совсем не мешая
мне шептать: я тебя люблю**

Медовый колокол чреватых путешествий
раслабился от сонной тишины
и ночь внезапно уплывает против шерсти
Нагие мы нелепы и смешны

Утро будет мудрым
чем обидит вечер
Здравствуй утро –
время нашей встречи

Забривают бухих купидонов в солдаты...
Отчим наш!
догорают твои дочери-матери
в обезлюдевших напрочь
сибирских египтах
Заповедные гильзы
блаженные песенки...

А буйные травы
лнют к нашим щедрым бёдрам
встревоженным запахом
дальних пастушьих костров
гайдаровских сказок
и пламенных сталинских лозунгов
Уходит земля из-под ног
в забродившее небо

Приметы нашего отсутствия
обломки мертвой стрекозы
В преддверии сезона сучьего
превратно понят мой призыв:
всем по кульку бесплатной похоти!
Ликует племя старых дев
и светится звездой на холоде
улыбка в божьей бороде

О, моя сексуальная бомба!
Я твой безнадежный сапёр
покуда живой ещё
лишь воздушными поцелуями

Добрый зверь его рук
вскоре насытился теплом её тела
осторожная музыка
просочилась из пространства
и поплыла ковылём
по монгольской степи сновидений

Жизнь – как телеграф:
на одном конце линии Любовь
на другом – человеческий труп
Между ними –
празднично обставленная Ненависть

Серая пуля любит брызнувшей кровью.
Цвет отступленья в снега
не давал ей уснуть.
Ей так хотелось уткнуться
в заветную грудь...
Это желанье, наверно, зовётся любовью.

Разбитые браки...
Но разве мужчина повинен
в припухших глазах?
Он в женщинах ищет всю жизнь
свою пуповину,
которой лишили его
так безжалостно
годы назад

**Всю жизнь шёл вперёд,
на горизонте которого
покоилась его любовь
А ведь можно было не ошибаться
Любовь – это отсутствие горизонта**

**Лоскут белой материи.
Ты и я. Двое.
Остальное – наши потери
в победоносных войнах.**

**Сорваны по полу бусы любви
красным горохом:
страсти людской, перешедшей на визг,
жалкие крохи...**

**Узлы брачные
взялся распутать
острый топор ревности**

Они были неразлучны
Ничто не могло помешать их счастью...

Как-то ночью проказные ангелы
подсмотрели улады влюбленных
и вбили меж них заклинание

Мужчина заметил опасность
слишком поздно -
через несколько месяцев
появился на свет его сопервенец

Как незрелые плоды
я рву свои бульварные романы
оскомину набившие, увы
Плывут блатные облака
в страну Мордовию
канают в лету вечных поселений
и мне туда, наверное, пора
Там плохо с фруктами,
с романами - тем паче
Короче, там любовная цинга
и вечерами некому нагнать багдада
и всё ж я рву свои бульварные романы

Вовремя Ненависть вспомнила нас.
Где-то в трофейном болоте,
объевшись любви, издыхает война
с похабно развернутой плотью.

Россия

Бараки тифозной любви
построены намертво
Бараки тифозной любви
пройдут сквозь года и Хеопсы
и их часовые
покроются сыпью
как неувядаемой славой
да здравствует потусторонняя Родина

Может быть, я уйду в треугольный Египт,
может, сгину в чащобах былинных –
ты отыщешь меня лишь по слепку ноги,
из которого сделана глина.

На фронтах беспартийных жён
без перемен -
свирепая рукопашная
и ныне и присно
и во веки веков

Может, плохо грела кровь,
может, из-за скуки
мы с тобою на любовь
наложили руки
и пошли по этапу, сцепившись руками
Были любовниками - стали поделщиками

Любовь - как причина болезней
навьючивает на нас свои сны
и влюбчивости слабые колени
дают отсчёт очередной весны

Любовь -
как оружие массового уничтожения -
она разрушает миры
Но мы ждём её губительного вторжения
убивая первых - чтобы любить вторых

Время, сдобренное любовью
настигло нас в этом военном захолустье

Спутница моя,
ты думаешь
любовь простирается на всех людей?
Посмотри на них
государственных и безмолвных
прохудившихся в молитвах
В их бесчисленных головах –
сознание, лишённое невинности
Их точит ржавчина скорби,
жизненный опыт
и другие повальные истины
На этой планете они - гости, не более
Святой дух боится входить в них
И они знают об этом

Певцы воскресений
ваш бог не выдерживает
никакой критики
Пышное распространение
и жареные христианские факты
И это всё

Мы же, строптивые и живые,
вкусив клятвы,
отдали себя под власть Символов
Весенний пал в сердцах наших
Ничуть не стеснённые молитвами
мы преклоняемся перед каждой вещью
и каждая вещь источает Любовь

Разносчики новой религии
мы испытываем страх отдыха
Скоро осень, и я знаю -
нам не уйти своей смертью
Такова цена Императора
Но, Господи,
прости человеку его благополучие!

Собаки рябиновых свадеб
грызут наше точное время
и бес под ребром циферблата
исходит любовной слюной
Моя королева, мы встретимся с Вами
в разгар домостроевских прений
чтоб праздничной жестью Пилата
поспорить еще с тишиной

Старость всегда приходит внезапно
Однажды, сидя в полупустом кинозале,
ты ловишь себя на том,
что вместо своих любимых героев
пристально разглядываешь
лишь ткань экрана,
штопаного, как небо осени

Загорается свет
Вместе с титрами уходят в Вечность
будёновцы радости
Но ты не спешишь домой
тебя страшит избыток ещё одного вечера
тебя пугают наёмные стволы октября
и ты пытаешься убедить себя в том,
что изысканное дряхление –
не самый плохой вариант
разборок с жизнью:
государстве исправно отсчитывает тебе
целковые старости,
горстями раздаёт медали и ордена,
а юные будёновцы водят твоих коней
на водопой судьбы
Чего тебе ещё надобно, старче?!
И закутавшись в шарф,
ты идёшь по знакомой улице
с лёгкой грустью поглядывая
на цветные стайки молодёжи,
разменивающей у макдональдса
пиастры своей бесшабашной молодости

ЧЕРНОВЫЕ МЫСЛИ

как дерево боится червоточины
как мучится от страсти пистолет
вскипает человек плодами сочными
чтоб выиграть еще полсотни лет
взлететь на сильных крыльях выше облака
оставить след на новом рубеже...

но мудрый червь стреляет точно в яблоко
копытом бьёт и жаждет новых жертв

как ногти мертвому телу
царапаться с божьей запазухе
с братьями-сестрами
как сорок пронзительных дней
стругать поминальную лесенку
на одноглазое небо
а дикое солнышко косится к западу
и вольные рыбы давно отметили зерно
умылись землей
зажмурились

завидуя птицам и ангелам
врастая в белье похоронное
двенадцать стреноженных месяцев
паслись на планете Земля

потеряться в глобальности кашля
лёгкие-жабры
забиты тиной брезентовых будней
умирать поэтом
в несколько приёмов

против часовой стрелки
цепляться за ночь –
она надёжнее, чем бестолковый
ветреный день

сдавив сиротливыми ладонями
распухшие виски
остановить ход событий
смести с лица паутину морщин
и оказаться мальчиком

сквозь щели забора
исподтишка наблюдать
как человечество обрывает смертью

вымучен зимними казнями
непротивление Каину
прожит навывлет
сорваны скомканы планы
жадно сжирает пламя
мысли мои черновые

Бьётся тело башкой об лед
задыхается плоть
Настигает сердечный клёв
навсегда и врасплох

Ты кади, моё кадило,
разгоняй животный дух!
Обезглавленный петух
пропоёт – какое диво! –
гимн классической петле...
Кто-то умер на земле

Неурожайный год
Земля в это время отдыхает,
набирается сил...
То же и болезнь
Кто-то даёт человеку передышку
от активной жизни

живёт и клянёт Время.
И это Время
в отместку делает его мёртвым.

**«Притяжение земли,
притяжение полей...»**

(из песни)

**Год за годом
в рукопашных телах
накапливается тяжесть,
и возросшее притяжение земли
играет с ними в странные игры
Если не стремиться к небу
Если не держаться за небо зубами**

**... и падают вверх,
зарезав своего маленького бога...**

**бороздил хохотом небо
проводил взглядами небыль
плакал росой в песок
жил параллельно песне
трогал губами бестий
горькую пил взасос
Пьяным по свежему насту -
чувствовал - быть беде...**

**Вчера он кишками настезь
подытожил прожитый день**

Окоченевшее животное «муха» -
Лапки, сложенные шестиконечной звездой
на бриллиантовом брюшке.
Масонские знаки отличия
присутствуют и в смерти насекомых.

Смерти нет.
Просто насекомые
испытывали его молчанием.
Тогда он стал разговаривать с собой
с другим собой
лицо при этом оставалось
безучастным - чтобы не заметили
И они - сломались вперёд

молчали мухи по окну
великолепные синие мухи

Бабьего лета из золота чистого
ветром вчера нанесло в мои двери
Я умирал вместе с падшими листьями
в силу богатства нисколько не веря

жить – не иначе как жить после смерти
засорно отсчитывать мёртвые дни
кричать мясом в горле
гореть костью в горне –
свирепый итог усмехнувшихся вниз

нежданные гости – немые ложки
в кухаркиных снах заплутала строфа
пустить свою жизнь на чужую ладошку
и – ложью по струнам,
чтоб вызвенеть фальшь

избить свою волю поводьями страха
поднимется ветер, задует свечу
и сдёрнет с тебя расписную рубаху
египетский воин по имени Чур

Каждый вечер
много дней подряд
он отмывал усталость с натруженных рук –
чтобы однажды
взять да и отгородиться от мира
двумя медными пятаками.
Дети называют это игрой в прятки.

Весна.

**В сторону тепла
исчезает клин безымянных птиц –
души наших соотечественников,
сошедших с ума этой зимой.**

**Отчего самый меткий стрелой
улыбается в черное дуло?
У него на душе весело –
нет спасенья навязчивым думам**

**Смерть – плохая хозяйка
Она не заботится о сохранности
своей коллекции**

**Перед смертью его покинули все
Даже насекомые
ушли с тела
как с тонущего корабля**

Рождённые ночью
попадают из тьмы в тьму –
вроде как и не рождаются

Слова, заколотые на бумаге,
безропотно сносят боль –
чтобы ожить в веках,
спустя смерть
своего нерасторопного хозяина

О какой свободе вы говорите?!
Человек не волен распорядиться
даже собственной жизнью –
закон не поощряет самоубийц.
Он чтит закон,
и его теперешняя жизнь
напоминала отсрочку.

У каждого самурая должен быть друг,
который вовремя
подставит ладони
под выпавшие кишки

Всю свою жизнь двигаться к Цели,
жертвуя бытом, уютom, теплом,
видя лишь в Ней одной панацею
от суеты, разрушающей плоть...

Что, натрепался? Теперь о главном,
уничтожающем смысл бытия -
умереть -
это значит сказать своим планам:
- Здравствуйте! Вот и я!

Бессмертными быть,
закатившись горохом в щели, -
затея пустая.
Грозит из утробы
матрёшки кашеевой
попынная старость.

Снимайте же маски!
Сдирайте кожу!
Срывайте суконные лица! -

Так рождаются заново

ГОРИЗОНТ

шаловливым добром
заплутало в карманах
усатое времечко
косоёбилось смутное
нагоняло тумана на голову
спотыкалось впотьмах
в заповедную дырочку
в смотровую дырищу
норовило остаться в дорожной пыли

Тулупы седых часовых
и их пальцы, выкрошенные ветром до плеч
Канат для перетягивания колокола
с небес на грустную землю
Оркестр играет на гусях
стараясь попасть в честь заезжего Криксы
В его власти печали и наслаждения
Летальная свистопляска

Лишь медный виновник молчит –
растрескался губами на морозе

"Коммунизм - это электрификация
плюс советская власть»

В.И.Ленин

Короткое замыкание советской власти
нарушило образ жизни
задумчивого крестьянства

Можжевеловые отцы
не верящие в стальных коней
вдруг открыли для себя пользу космоса
вчитались
в учебники занимательной любви
прониклись чикагским духом мясным

Генная массовая информация
несомая заокеанским западом
породила безпонтное поколение
марианн и шварценеггеров
Доллар истинной свободы
уверенно совокупился
с русской рулеткой

Страна стала другой
Неизменна лишь наша библейская снедь:
хлеб и вино

Страна исчезает

Это ли не чудеса:
иногда заброшенные деревни
с печальным криком снимаются с земли
и исчезают в беспечных облаках
А газеты всё продолжают писать /кому?/
о бермудских треуголках, летающих
тарелках...

Страна исчезает

Этому процессу не в силах помешать
ни подмётное православие
ни страдальцы 27-го съезда
ни помощники кремлёвского душегуба
ни я сам, уставшей рукой наливающий
в свой стакан поминальные капли

Единственная черта,
которую не смог задушить ельцын
в русском народе,
пролетарский интернационализм:
Россия 90-х неуклонно становится
государством иностранных дел

... будь в ответе за своих рабов,
как голубей с ладошки
окольцовывай их
ободками чувственных глаз
Их клювы похожи на ненависть
Хищные свидетельства нашей
несостоятельности

Беспочвенность приходит утром

Память

Они начали забывать алфавит.
Каждый день по одной букве.
Скоро в ход пошли руки,
гибкие, слово увядшие цветы.
Следующий этап - равнодушные взгляды.
И напоследок - улыбки,
обращенные к звёздам,
и лимонная долька Луны,
напомнившая глаза китайской девушки.

Самая страшная вина нашего нынешнего
правительства
развал телесной промышленности.
Родильные цеха работают
не в полную мощность.
В отличие от крематориев.

Власть - это подавляющее меньшинство
Чего ещё ждать искушенному населению
от их ночных бдений?

Всё уже было:
беспощадные годовщины
удовольствие по талонам
конфискация личности...

Но каждую ночь заведующие событиями
расписывают наши клинические судьбы
на много лет вперёд
Лишь под утро
в их кремлёвских кабинетах
гаснут огни.
Не сон власти чуток.
Так спят свиньи под звуки паяльных ламп

Где-то там
на минетном дворе златоглавой столицы
развращённые властью
бесстыдные наши отцы
предлагает простому народу
сосуществование

Голосуй или ...

Воспитанные на одних и тех же сказках,
мы, театральные братья по гриму,
прошли один и тот же путь -
от нагорных проповедей
до нагорных карабахов
Позади траурные ленты читательских рубежей,
партийные курганы
и искажённые литературой лица
героев нашего времени
И всё же - да здравствует
родина моих заблуждений!

Россия

Бескрайняя ширь типографских лесов
Едва различимое прошлое
и нецелованные часовые
у входа во внутренний мавзолей

Там блинами и водкой
встречает нас девушка ладная
Там зловещий Иосиф
щекочет усами Бен-Ладена
Там на каждое яблочко
выдадут два краковяка
Там не жизнь, малина –
ты только сиди и не вякай
Мысли бродят по черепу
словно классический призрак
Мысли низки и пошлы,
в том их отличительный признак
Демиург в азиатском халате
терзает тальянку
и талибы по десять рублей
собирают на пьянку
Там не любят ментов, депутатов,
фашистов и пидоров
Плюнь в артиста - на рожу еврей,
а по паспорту Сидоров
Там банкиры ночами не спят,
ожидая ареста

Покажите же мне фотографию этого места!
Тут берут меня за руки,
молча, подводят к окну
и сквозь прутья решетки
я вижу родную страну.

У каждого из нас есть мечта.
Но ежедневно
за всякими мелкими делами и делишками
держа равнение на г. нашего времени,
бездумно расходуя солнышко,
бездарно проживая свои табельные жизни,
похожие, как бутерброды,
мы теряем время,
и мечта, упиваясь прожженной свободой,
лихо прищипривает
своих запредельных коней...

Но время мудрее человека
Однажды оно находит нас,
ослабших, отчаявшихся, заблудших,
и протягивает руку помощи
И у нас появляется ещё один шанс
попытаться догнать
и изнасиловать свою мечту

Горизонт

Меня давно уж сошли с ума
длинноногие почтальоны
треуголки военных писем
и дремучие замудонцы власти

Меня уже годы как верят в бега
степенные кони с пугливыми гривами
пролежни тела, пеленки и саваны

Меня уже ждут
изобилье свобод красные
шашни медового месяца
пограничные рыбные дни
пораженные Увиденным очевидцы
солнечные зайчики,
распятые при скоплении тьмы и народа
кровавые закаты великих вождей
электрические посиделки
сабли и головы
вещи и птицы -

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ

ОСКОЛКИ

белить небо
перед чьим-то рождением,
переклеивать поблекшие звёзды,
подкрашивать жестянку луны,
замазывать щели военных конфликтов –
этим и занимаются время от времени
специальные герои

Обычный блудный дождь
капает мне на нервы
морзянкой стучит в окно
точка
 тире, тире...
Вздыхают часы песочные
и рифмы впадают в детство

За небом, развешанным на веревке,
следит старуха в нашем двореке –
вдруг дождь

Бесконница арабских скакунов
один и тот же сон нелепый
Бескормица нас выдаст все равно
отрядам хлебным

Под соусом Луны
бледные статуи
сжимают ягодицы страха

Запредельные островки снега
прячутся в изъятиях земли –
как лохмотья памяти,
расстрелянной в упор
бесстыдной лихорадочной Весной

Каменные китайские уродцы
забыв вкус борьбы
год за годом
безропотно
утопают
в прелых листьях.
Год за годом.
По пояс,
по шею,
поголовно...

Висит на стене деревянное время
и гирьки мудей на цепочках застыли

Осень.
Жирные небеса – как губы чревоугодника.
Черные озябшие птицы
разрывают криками пространство.
Они запредельно кружатся в небе,
как пепел запрещенных книг,
как черный снег третьего рейха.

Ошибка возвращаться в места,
Где ты был когда-то счастлив.

Птицы летели на север
неся за собой леса и реки
птицы любили на север
медленно как жить
как в последний раз
чтобы к утру затеряться
в выцветших обоях неба

нарисуй мне это спокойствие
этот свет
его так немного до счастья
его так немного для счастья
как в последний раз
им некуда спешить
небо кончается за поворотом
головы

Ударили морозы. Этой ночью
бездомные собаки вмёрзли в лёд

в комнате сохнет дня слепок
к окнам садимся гасим огни
и смотрим как падает с мёртвого неба
звёздная гниль

Социализм

от гонений по случаю
до ебли по поводу
Над всем этим – Ленин
с перстом указующим

Сигарета сорвалась с моста
в равнодушную воду,
успев перед смертью шепнуть
всколыхнувшемуся людям:
ПРОЩАЙТЕ

Его Величество Духовенство Ветра

**В парке галдят грачи,
в омуте плещутся черти,
а мне прописали врачи
дозу разовой смерти.
Блокада больничных дней...
Невольно потянешься к Богу...
Да только нужен он мне,
как уши Ван Гогу!**

**Филателисты, нумизматы...
самое увлекательное занятие людей –
копить старость**

**Весело зубам во рту,
пляшет всё вокруг –
вот она старость,
вот она СТАРОСТЬ!**

**маленький ангел
с деревянным скрипучим крылом
грязные ногти
щеки вымазанные в шоколаде
не торопится улетать беспризорник**

Через времени тернии
к ослепительной черни
опуститься на дно,
возведённым в канон

Почуяв усталость,
уродам оставить
подаренное ангелами
четвёртое Иоангелие

Ты - жертва и падаль в борьбе роковой
за право назваться хворостом,
что вспыхнет звездой у ног Его
на грани картёжного возраста

Насытить языческий мир
безумного Христа идеями
прослыть святыми людьми
и - умереть правоверными иудеями...
Пращуры Ивана Сусанина -
Павел, Пётр, Лука...
Под бормотанье Осанны
моет руку рука

Крамольные мысли
на нашем дворе постоялом
готовили заговор:
лишить их хозяина разума
чтоб враз завладеть состоянием
и дело с концом...

Их планы нарушила
старая чуткая жопа

Мой жизненный путь как стрела,
как прямая кишка,
где в жопу стараются влезть фраера -
кто в законе, кто - в рясах.

Господь,
огради же меня
от попутчиков-пидорасов!
Дорога в Небесный Толчок
и без них дурнопахнуща и нелегка

Раненый зяблик лежит на полу -
Бусинки жизни, нарушенной нами, -
и безутешно плачет в углу
детство со спущенными штанами.

Каноида акаций
в начале августа...
Успеть покаяться
зрачку аиста,
голым пуститься в пляс
и – вглубь приданий
седым волосом,
когда придавит
тугим колосом
Вселенская Конопля

Весна

Под оттаявшим солнцем
обнажаются рек берега.
В нашем городе сонном
цвета смерти загар
проявился в плывущих по улицам лицах

Обратная сторона Евангелие
В качестве черновика
для моих взбунтовавшихся мыслей

Вот умру я умру
и никто не узнает
как ставят на рельсы публичную жизнь
разбитые армии голых седых королев
как в пене утра
расползаются рыбы военной удачи
сквозь гостиничные этажи

Вот умру я умру
и никто не узнает
как убить ежедневную крысу нормана
и скучать под "водки найду"
вечерами многоэтажными
Я подамся с тоски в саботажники
очередной сплечагосударственной нирваны

Вот умру я умру
и зареют дуру отпетого
тадж-махая ему руками
ни хрена не узнавшие люди
